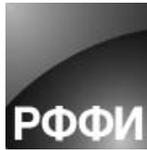

«ОН ВЕСЬ,
КАК БОЖИЯ ГРОЗА»:
ОБРАЗ ПЕТРА I
В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ЖУРНАЛИСТИКЕ

Под редакцией
О. С. Кругликовой

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2022

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)46
О 58

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-011-42018*

О 58 «Он весь, как божия гроза»: образ Петра I в русской дореволюционной журналистике / под ред. О. С. Кругликовой. – СПб.: Алетейя, 2022. – 562 с. : ил.

ISBN 978-5-00165-566-4

Коллективом авторов предпринята попытка комплексного анализа образа первого русского императора, который сложился на страницах русской дореволюционной журналистики. Соединяя академическое сообщество и массового читателя, журналистика всегда была основной средой формирования и закрепления исторической памяти. При этом фрагментарность изложения, стремление к упрощению, высокий полемический накал были естественны для журналистского текста, и породили противоречивые интерпретации государственной деятельности Петра I. Образ Петра I, став в XIX в. инструментом политической журнальной полемики и даже предметом карикатуры, приобретал все более символическое значение, порождая, наряду с глубокими оценками, множество публицистических клише. Изучению того, как формировалась в словесных и изобразительных жанрах дореволюционной журналистики историческая память о первом русском императоре, посвящена эта книга.

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-00165-566-4

9 785001 655664

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Коллектив авторов, 2022
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

существующей системы, основанная на убеждении, что при любой форме организации талантливые и деятельные сотрудники скорректируют в своей повседневной практике возможные недостатки системы.

В целом, рассматривая отношение русских публицистов к бюрократии как политическому и социокультурному феномену, можно отметить, что концепт бюрократии органически встраивается в диалог о петровской модернизации и модели регулярного государства, созданной первым русским императором. Причем для большинства публицистов остается мало-заметным прогрессивный характер бюрократии как системы управления государства модерна и вообще функциональный смысл бюрократии, в то время как различные дисфункции бюрократической машины рисуются в грандиозных масштабах. Пафос обличения бюрократии переносится в ряде случаев и вообще на размышления о модернизации западного образца, так что рассмотрение негативных сторон бюрократии как детища петровской вестернизации становится инструментом обличения недостатков петровской реформы и исторической роли Петра, что особенно характерно для публицистов почвеннического и славянофильского направления.

3.3.1 Национальность, самобытность, народность – к истории слов и смыслов

Ключевое понятие теории официальной народности появляется в русском языке в начале XIX в. Наиболее вероятным его автором традиционно считается П. А. Вяземский, который употребил его в письме к А. И. Тургеневу от 22 ноября 1819 г. со ссылкой на польское слово *narodowość* (впрочем, с поправкой на письменный источник словоупотребления, поскольку в устном общении слово могло употребляться и раньше)¹.

¹ О связи российской теории народности с европейскими аналогами см.: Велижев М. Б. «Особый путь» развития России в 1830-е годы: Sonderweg, государство и образованное общество // «Особый путь»: от идеологии к методу. М., 2018. С. 106–141; Велижев М. Поиск русской идеи и понятие народности. URL: <https://arzamas.academy/materials/1374>.

Действительно, «Словарь русского языка XVIII века» (далее – СРЯ XVIII) не фиксирует это слово, отмечая, однако, такие лексемы, как «народодержавие», «народоначание», «народоправление» и «народосоветие» – все в значении ‘демократия’¹. «Словарь церковнославянского и русского языка» (далее – Сл1847) слово «народность» уже фиксирует, определяя народность как «совокупность свойств, отличающих один народ от другого»². Эта отличность, обособленность от других народов присутствует и в определении значений слов «народ» и «народный»: выделяя у слова «народ» три значения, Сл1847 первым ставит ‘жители страны или государства, говорящие одним языком; язык, племя’, а уже затем – ‘жители страны или государства, принадлежащие к низшим сословиям’ и ‘множество людей, толпа; простой народ’; у прилагательного «народный» первым значением также указано свойство ‘принадлежащий или свойственный народу (дух, характер)’, а не принадлежность ‘относящийся к народу (перепись, повинность, слух)’. Это представляется чрезвычайно показательным, поскольку именно в определении первого, т.е. главного значения проявляется языковое сознание составителей словаря, их восприятие не только слова, но и того комплекса ассоциаций, в том числе философских, которые составляют смысловое наполнение лексемы. Показательно, что современный академический словарь русского языка даёт значение ‘народная, национальная самобытность’ только вторым, а в качестве первого указывает ‘исторически сложившуюся языковую, территориальную, экономическую и культурную общность людей’³, т.е. набор достаточно формальных признаков, по которым один народ можно отличить от другого.

По данным «Национального корпуса русского языка»⁴, после всплеска частотности употребления слова «народность» в 1820-х гг. наступает десятилетний период относительно рав-

¹ Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2004. Вып. 14. С. 17–21.

² Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб., 1847. Т. II. С. 398–399.

³ Большой академический словарь русского языка. СПб., 2008. Т. 11. С. 329.

⁴ Далее все примеры приводятся по данным НКРЯ.

номерного его присутствия в русском языке, который в начале 1840-х гг. вновь сменяется подъёмом – и на сей раз частотность не снижается, достигая пика на рубеже 1850–1860-х гг. Однако именно в это десятилетие формируется разница в осмыслении понятия: если во времена Пушкина народность в основном понималась как интерес к жизни простого народа, как близость к народу¹, порой поверхностная² и подражательно-аляповатая³, как присутствие в литературном творчестве народного духа⁴, народной речи⁵, как признание со стороны народа⁶ и т.п., то после его смерти она всё чаще связывается с определённой политической философией, с национальной идентичностью и самобытностью как мироощущением⁷.

¹ «Оно, впрочем, и правда, что стремление нашей литературы к так называемой народности и вообще усилия ее пробудить народное самосознание мало благоприятны для высшего сословия» [А. В. Никитенко. Дневник (1842)].

² «Я полагаю народность не в черевичах, не в бородах и проч.» [Д. В. Веневитинов. Ответ г. Полевому (1826)].

³ «Народность их состояла в русских именах, в избежании явного нарушения верности событий и обычаев и в подделке под лад русской речи, в поговорках и пословицах, но не более» [В. Г. Белинский. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») (1835)]. Ср: «Это называлось у них народностию. Но в чем состояла эта народность? В том, что своим склокам с чужеземных образцов они давали русские имена, да еще иногда и исторические, отчего их лица нисколько не делались русскими, потому что прежде всего не были созданиями искусства, а были только бледными копиями» [В. Г. Белинский. Ответ «Москвитянину» (1847)].

⁴ «Народность отражается не в картинах, принадлежащих какой-либо особенной стороне, но в самих чувствах поэта, напитанного духом одного народа и живущего, так сказать, в развитии, успехах и отдельности его характера» [Д. В. Веневитинов. Ответ г. Полевому (1826)].

⁵ «Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из Отечественной истории, другие видят народность в словах, т. е. радуются тем, что изъясняясь по-русски употребляют русские выражения» [А. С. Пушкин. О народности в литературе (1825–1826)].

⁶ «С большим любопытством рассматривал я почтенную фигуру этого человека <Г. Р. Державина>, которого детские стихи получили такую народность, что, кажется, нет ни в одном русском грамотном семействе ребенка, которого не учили бы лепетать» [С. П. Жихарев. Записки современника (1806–1809)].

⁷ Ср.: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е – 90-е годы XIX века. М.; Л., 1965. С. 205–208.

Определение не художественной, а идеологической сущности народности, как и многого другого в истории российской общественной мысли, делалось «сверху»: речь идёт о знаменитой формуле С. С. Уварова «православие – самодержавие – народность», в которой вполне понятными были первые две части, тогда как третью требовалось истолковать в нужном правительству духе – так слово стало идеологемой не только в спорах публицистов, но и на государственном уровне, означая единство царя и народа, безоговорочную народную любовь к монарху и поддержку его действий и решений¹. Неслучайно либерально настроенный А. В. Никитенко в 1847 г. с ощутимым недовольством записывает в дневнике: «Читали предписание министра, составленное по высочайшей воле и где объясняется, как надо понимать нам нашу народность и что такое славянство по отношению к России... Народность наша состоит в беспредельной преданности и повиновении самодержавию, а славянство западное не должно возбуждать в нас никакого сочувствия... На основании всего этого министр желает, чтобы профессора с кафедры развивали нашу народность не иначе, как по этой программе и по повелению правительства». Вполне вероятно, что по той же причине И. С. Аксаков писал родным: «Слова “народность”, “русский дух”, “православие” производят во мне теперь такое же нервическое содрогание, как “русское спасибо”, “русский барин” и т.п. ... Будьте, ради Бога, осторожны со словом “народность” и “православие”».

Огосударственная народность выступала близким аналогом патриотизма. В 1844 г. А. В. Никитенко записывает в дневнике: «“Быть первыми в движении общества во что бы то ни стало”» – вот лозунг, который прячется за народностью, за па-

¹ *Зипунникова Н. Н.* Идеологема «Самодержавие – православие – народность» в политике российского государства в сфере образования и науки первой половины XIX в.: нормативно-правовое закрепление и проблемы реализации // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2010. Вып. 4 (10). С. 7–16; *Ососков Г. В.* Официальная идеология Российской империи XIX века «православие – самодержавие – народность» (социально-философский анализ) // Россия: тенденции и перспективы развития. М., 2017. Вып. 12. Ч. 3. С. 659–662.

триотизмом и т.д.» – соседство народности и патриотизма несомненно свидетельствует о новом понимании народности, об употреблении слова для выражения национального самосознания. В таком же значении прилагается понятие «народность» и к другим странам. Например, В. П. Боткин в «Письмах из Испании» в рассуждениях о разобщённости образованной части испанского общества, расколотовой на приверженцев старого уклада и на тех, кто подвергся влиянию Франции и Англии, так употребляет слово «народность»: «одной недостает народности, национальных корней, другой – чувства будущности и новых государственных интересов». Спустя десять лет И. С. Тургенев выскажет в романе «Рудин» мысль об обречённости тех, кто отрывается от родных корней: «Несчастье Рудина состоит в том, что он России не знает, и это точно большое несчастье... Космополитизм – чепуха, космополит – нуль, хуже нуля; вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет».

Показательный пример напряжённого осмысления народности в славянофильском ключе обнаруживается в «Письме московским друзьям» И. В. Киреевского (1847): «Иной видит в славянизме только язык и единоплеменность, другой понимает в нем противоположность Европеизму, третий – стремление к народности, четвертый – стремление к православию... Самое понятие о народности между нами также совершенно различно... А между тем народность в ея общем начале до сих пор еще нами не признана и не выражена». В данном случае важно отметить как стремление вычленить объединяющее начало в попытках определить, что же такое есть народность¹, так и ощущение необходимости в принципе дать это определение, проистекающее из неудовлетворённости существующим пониманием: напомним, что процитированные строки были написаны Киреевским в тот же год, когда вышел Сл1847.

¹ Об этом писал и Пушкин, хотя и в несколько ином преломлении: «С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы – но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность» [А. С. Пушкин. О народности в литературе (1825–1826)].

Впрочем, даже как свойство литературных произведений народность понималась достаточно расплывчато уже на рубеже 1830-1840-х гг., недаром В. Г. Белинский в 1841 г. писал о ней так: «“Народность” – есть альфа и омега эстетики нашего времени... Волшебное слово, таинственный символ, священный иероглиф какой-то глубоко знаменательной, неизмеримо обширной идеи, – “народность” заменила собою и творчество, и вдохновение, и художественность, и классицизм, и романтизм, заключила в одной себе и эстетику и критику. Короче: “народность” сделалась высшим критериумом, пробным камнем достоинства всякого поэтического произведения и прочности всякой поэтической славы».

Выдающийся языковед И. И. Срезневский, в понимании которого судьба языка неразрывно связано с судьбою говорящего на нём народа, в «Мыслях об истории русского языка» (1849) неоднократно писал о языке как наиболее точном выражении национального самосознания, используя понятие «народность» для определения обособленности народа: «Как племена, так и народы одного племени остаются одним нераздельным народом до тех пор, пока не отделяются один от другого, одним народом нераздельным по условиям народности, по образованности, нераздельным и по языку», а в борьбе с иноземными влияниями за сохранение самобытности «победы народности шли и идут медленно: каждая отвергнутая форма, каждое отвергнутое слово стоило и стоит борьбы, иногда и долговременной и всегда более или менее упорной» и т.п.

Конечно, народность присутствовала и в дискурсе западничества. Н. Г. Чернышевский критически оценивал попытки наполнить это понятие сверхсодержанием: «Одни смешали с народностью старинные обычаи, сохранившиеся теперь только в простонародии, и не любят, чтобы при них говорили с неуважением о курной и грязной избе, о редьке и квасе, даже о сивухе; другие, сознавая потребность высшего национального начала и не находя его в действительности, хлопочут выдумать свое, и неясно, намеками указывают нам на смирение, как выражение русской национальности». Не менее ироничные высказывания

о народности находятся и у Н. А. Добролюбова, упрекавшего славянофилов в идеалистичности воззрений: «Все это, как видите, говорилось во имя русской народности, в видах уважения к отцам и дедам, в уверенности насчет высоких сердечных качеств русского человека» [Из «Свистка» (1861)], и у писавшего о примерно том же Н. П. Огарёва, который, однако, признавал созидательное начало в подобных спорах: «Начало понимания народности бесспорно принадлежит славянофилам, и – хотя увлеченные собственным трудом и задачей – они смешивали элементы с идеалом и искали идеала в прошедшем, тем не менее первое органическое, зиждущее движение мысли принадлежит им [Предисловие к сборнику: «Русская потаенная литература» (1861)]. Критика разговоров о народности отчётливо видна и в статье М. А. Антоновича «О почве (не в агрономическом смысле, а в духе “Времени”» (1861), где это понятие встречается более двух десятков раз. Публицист делает неутешительный вывод: разговоры о народности и попытки дать ей определение с каждой из противоборствующих сторон столь же бесплодны, сколь туманны разговоры о новоизобретённом понятии «почва», которое, впрочем, представляется Антоновичу даже более размытым, а следовательно, и более располагающим к пустословию, чем «народность».

Одно из наиболее резких суждений о народности в понимании славянофилов принадлежит Д. И. Писареву: «Славянофильство есть русское донкихотство; где стоят ветряные мельницы, там славянофилы видят вооруженных богатырей; отсюда происходят их вечно-фразистые, вечно-неясные бредни о народности, о русской цивилизации, о будущем влиянии России на умственную жизнь Европы» [Русский Дон-Кихот (1862)]. Однако спустя всего два года М. Е. Салтыков-Щедрин в обращении к «неизвестному корреспонденту» обращал внимание на то обстоятельство, что спор о народности уже стал достоянием прошлого: «Быть может, вам памятно то время, когда в русском обществе шли горячие толки о народности и славянофилы были в большом ходу» – вполне очевидно, что годами и тем более десятилетиями спорить об одном и том же понятии

было невозможно как в силу исторического процесса (сменялись участники спора, с возрастом изменялись их житейские воззрения, иными становились внутри- и внешнеполитические условия и т.д.), так и из-за нелепости идейного топтания на одном месте и попытках придумать новое словесное облачение для повторения уже неоднократно сказанного.

Слову «национальность» с историко-лексикологической точки зрения повезло больше: СРЯ XVIII фиксирует его присутствие в русском языке с 1763 г. в письме Д. И. Фонвизина, отмечавшего, что «ближнее соседство с французами сделало то, что в мангеймских немцах гораздо менее национальности, нежели в других»¹, встречаются субстантиват «национальное» (в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина: «Все национальное ничто перед человеческим») и прилагательное «национальный» – формально с 1716 г., но в основном с середины века. Преимущественно из переводных источников пришли в русский язык такие словосочетания, как «национальный характер», «национальные предубеждения», «национальное войско», «национальные богатства», «национальное собрание» 'конвент', «национальный министр» и др., а также, в значении 'коренной, природный', «национальные турки» или «национальные сербы». Слово же «нация», подобно слову «народ», обозначает в первую очередь 'народ, население страны; принадлежность к стране по этническому признаку и подданству'. Вместе с этими заимствованиями в русский язык пришли и их значения, пришла их семантика – весьма схожие с современным пониманием.

В XIX в. Сл1847 не определяет значение слов «нация» и «национальный», ограничиваясь отсылками к словам «народ» и «народный» соответственно². Это крайне показательно, поскольку означает, что составители словаря отдавали предпочтение российскому синониму перед заимствованным. Более тонкое различие делал В. Г. Белинский, по мысли которого за-

¹ Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2004. Вып. 14. С. 96–97.

² Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб., 1847. Т. II. С. 419.

имствованные слова, «удерживаясь вместе с оригинальными, заключают некоторый оттенок в выражении при одинаковом значении, как слова: *народность* и *национальность*, *личность* и *индивидуальность*, *природа* и *натура*, *нрав* и *характер* и пр.»¹.

В живом употреблении «национальность» понимается как свойство народа – как по этнической, так и по государственной принадлежности: «Но при всем том нельзя отвергнуть, что национальность характера и климат имеет влияние как на искусства, так и на войну» [А. Пушкин. Взгляд на военное состояние Турецкой империи // Сын отечества. 1826]. «Национальность польская», «славянская национальность», «русская национальность», «европейские национальности» – эти и другие словосочетания с опорным словом «национальность» (и даже особая «московская национальность» в «Петербуржской летописи» Ф. М. Достоевского) широко используются в XIX в. в текстах различных жанров, обозначая отграничение одного народа от другого на основании определённых черт национального характера, национального мышления, национальных привычек и традиций. В рассуждениях об эпической поэзии (1851) Ф. И. Буслаев в духе времени именно по принципу национальности определяет характерные черты народного творчества: «В самую раннюю эпоху своего бытия народ имеет уже все главнейшие нравственные основы своей национальности в языке и мифологии, которые состоят в теснейшей связи с поэзией, правом, с обычаями и нравами». В схожем ключе рассуждал и И. И. Забелин: «Для объяснения внутреннего быта народа история в начале своего поприща весьма мало уделяла места и так, между прочим, и притом без всякой связи с повествованием, говорила о том, о сем, т.е. именно о том, что собственно и определяло народный характер, образ народа, физиономию его, национальность».

Займствованная природа «национальности» вполне свободно коррелирует на понятийном уровне с русскоязычными

¹ Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е – 90-е годы XIX века. М.; Л., 1965. С. 57.

«народностью» и «самобытностью». Например, П. А. Вяземский употреблял это слово именно в таком смысле: «...казалось, что это нововведение есть посягательство на русскую национальность, что картофель испортит и желудки, и благочестивые нравы наших искони и богохранимых хлебо- и кашеедов» [Старая записная книжка (1830–1870)]. Именно отсутствие национального самоопределения становится важнейшим пунктом для критики китайцев И. А. Гончаровым: «У китайцев нет национальности, патриотизма и религии – трех начал, необходимых для непогрешительного движения государственной машины» [Фрегат «Паллада» (1855)]. Национальность считал основой полноценного существования общества Н. Г. Чернышевский: «Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения... Человек силен и обеспечен только в обществе; но чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь – национальность» [Очерки гоголевского периода русской литературы (1856)].

В то же время идея национального как особенного начала, позволяющего определить признаки конкретного народа, во второй половине века понимается и как нечто изолирующее народ от других народов и ограничивающее личность в различных её проявлениях. Так, Л. Н. Толстой в 1850-х гг. высказал мысль о человеческом всеединстве как цели действий политиков: «Дипломаты должны бы быть высоконравственные распространители общечеловеческих идей и уничтожители национальностей», а А. И. Герцен в те же годы отметил в «Былом и думах», что в ряде случаев «исключительное чувство национальности до добра не доводит».

В многочисленных примерах из НКРЯ нетрудно заметить, что слова «народность» и «национальность» нередко употребляются в соседних предложениях, в одном предложении или вовсе оказываются рядом, как «Лекциях по истории позднего средневековья» Т. Н. Грановского (1849–1850): «Мы видели, до какой степени были упрямы античные национальности, у

которых было все отдельное, даже религия; можно сказать без преувеличения, что идея национальности чужда средневековому миру, он не знает народностей, знает лишь сословия», или в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского (1863): «Теперь мы с такою капральскою самоуверенностью, такими фельдфебелями цивилизации стоим над народом, что любо-дорого посмотреть: руки в боки, взгляд с задором, смотрим фертом, – смотрим да только поплеываем: “Чему у тебя, сипа-мужик, нам учиться, когда вся национальность-то, вся народность-то, в сущности, одно ретроградство да раскладка податей, и ничего больше!”»

Определение самобытности в Сл1847 по лаконичности близко к определению национальности: как наречие «самобытно» имеет значение ‘существуя сам собою’, так и существительное «самобытность» означает ‘существование самим собою’ – точно так же определяются и слова «самобытный» и «самобытствовать»¹; в этом отношении Сл1847 ничем не отличается от «Словаря Академии Российской» (1789).

Как и «народность» и «национальность», понятие «самобытность» получает развитие в 1820-е гг. Одним из первых о необходимости самобытности России заговорил Д. В. Веневитинов в статье «О состоянии просвещения в России» (1826): «Итак, философия и применение оной ко всем эпохам наук и искусств – вот предметы, заслуживающие особенное наше внимание, предметы, тем более необходимые для России, что она ещё нуждается в твёрдом основании изящных наук и найдёт сие основание, сей залог своей самобытности и, следственно, своей нравственной свободы в литературе, в одной философии, которая заставит её развить свои силы и образовать систему мышления». Впрочем, до времени голос Веневитинова был едва ли не одинок: И. В. Киреевский, С. Т. Аксаков, П. А. Вяземский и другие авторы в эти годы понимали самобытность в контексте отмеченного выше первого этапа осмысления народности, т.е. как безыскусственность, не загнанную в рамки определённой

¹ Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб., 1847. Т. IV. С. 88.

традиции (самобытная поэзия, самобытный характер творчества и персонажей, самобытная игра актёра Фёдора Волкова, самобытный ум и т.п.).

Однако в 1830-х гг. самобытность становится такой же идеологемой, как и народность, и означает ту же отграниченность российского общества от иностранного пути развития, что и национальность. Уже в романе М. Н. Загоскина «Рославлев» (1830) Россия противопоставляется Франции как вполне самостоятельное в культурном отношении государство, не нуждающееся во французской или каком-либо ином влиянии¹: «— И, господин барон! — перервал с улыбкою Рославлев, — что вам за радость просвещать насильно нацию, которая одна, по своей силе и самобытности может сделаться со временем счастливой соперницею Франции. Предоставьте это времени и собственному ее желанию — сравниться в просвещении с остальной частью Европы. Россия и без вашей насильственной помощи идет скорыми шагами к этой высокой цели всех народов». Аналогично высказывался и И. В. Киреевский: «Только тогда, когда новые поколения, воспитанные на образцах отечественных, получают самобытность вкуса и твердость мнения независимаго от чужеземных влияний, только тогда может критика утвердиться на законах верных, строгих, общепринятых, благодетельных для последователей и страшных для нарушителей» [Обозрение русской словесности за 1831 год (1832)], а С. Н. Глинка, через двадцать лет вспоминая Отечественную войну, отмечал, что именно российский народ, в противовес офрануженному дворянству и внешним культурным переменам (например, в архитектуре), «коренной, самобытный дух русский хранил в глубине души своей» [Из записок о 1812 годе (1836)]².

¹ Интересно, что у В. Г. Белинского встречается и «внутренняя» самобытность: в рассуждении о русской литературе он отмечает, что Г. Р. Державин, пошедший в творчестве по пути схоластического педантизма Сумарокова и Хераскова, «много повредил и своей самобытности и своему успеху в потомстве» [О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») (1835)].

² А. И. Михайловский-Данилевский также видел войну с Наполеоном мощным толчком к новому витку развития ощущения самостоятельности

Понимая самобытность как собственный путь, не отягощённый сторонней политической волей, А. В. Никитенко в своем «Дневнике» критиковал народы Восточной Европы за то, что они «живут себе преспокойно под австрийским владычеством, нимало не думая о какой-либо политической самобытности». Однако не только и не столько политика, сколько влияние «мягкой силы» бытовой стороны жизни представляло особенную опасность для становления здорового национального самосознания: галломания, пошатнувшаяся было на волне патриотизма после 1812 г., никуда не делась, о чём сокрушался и на что негодовал М. Н. Загоскин, вопрошавший в «Москве и москвичах»: «Если образованные немцы, англичане, голландцы, шведы и даже итальянцы, вовсе не походя на французов, имеют право называться просвещенными людьми, так почему же русский не может заслужить этого названия, не утратив своей народной самобытности?» Об этом же переживал в «Выбранных местах из переписки с друзьями» и Н. В. Гоголь: «воспитываясь всеми европейскими воспитаньями, мы и тут отдалились от родного корня».

Именно в это время творческая самобытность фольклора также политизируется и приобретает черты образца, не испорченного книжным влиянием: «Между тем как ученые питомцы Киевской академии писали книги и слагали свои стихотворения на языке более или менее смешанном, между тем как образованнейшие из светских писателей, не смея отрываться от слога книжного, опутывали, таким образом, живую мысль узами схоластики, – в душе и в устах народа существовала самобытная, безыскусственная словесность» [В. Н. Майков. Краткое начертание истории русской литературы, составленное В. Аскоченским (1846)]. Иного взгляда придерживался В. Г. Белинский, который, хотя и повторил в «Ответе “Москвитяину”» (1847)

России: «С Москвой сопряжены были понятия о славе, достоинстве, даже самобытности Отечества» [Описание Отечественной войны в 1812 году (1839)]; впрочем, для подобных рассуждений отметим и избирательность памяти, при написании мемуаров высвечивающей достоинства и затемняющей недостатки общества в ключевые исторические моменты.

высказанную ранее мысль, что «явление славянофильства есть факт, замечательный до известной степени, как протест против безусловной подражательности и как свидетельство потребности русского общества в самостоятельном развитии», в остальном не мог согласиться со славянофилами в том, что «русскому обществу надо воротиться назад и снова начать свое самобытное развитие с той эпохи, на которой оно было прервано, надо сблизиться с народом, который будто бы сохранил в чистоте древние славянские нравы и нисколько не изменился в продолжение веков».

Идеализация народа, возносимая на знамя сторонниками самобытности России, имела основной мысль, что внешнее убранство государства является лишь декорациями, за которыми, в спасительном отрыве от этого внешнего, сохраняется могучая глубинная духовная сущность русского народа, задачей же писателей, публицистов и государственных деятелей становится обнаружение этой законсервированной сущности во имя целительного распространения её на все слои общества; могли народ всё это время не исполнять миссию по сохранению русского духа, а «просто жить», сохраняя его вполне естественным образом, – этот вопрос многими либо не ставился вовсе, либо избегался. В. А. Жуковский возвышенно писал за несколько лет до смерти: «Россия вступит в особенный, ее исторический, следственно, самим Промыслом ей проложенный путь; она не будет Европа; не будет Азия (ибо она государство христианское), она будет Россия – самобытный, великий мир, полный силы неисчерпаемой, мир, созданный медленною работою веков, упорными борьбами, счастливыми или бедственными, под громом древних междоусобий, под шумом половецких набегов, под гнетом татарского ига, в боях литовских, в славных победах последнего времени, сплоченный верою и самодержавием в одну несокрушимую, ныне вполне устроенную громаду» [О происшествии 1848 года (1848)], а спустя два года повторил эту мысль: «Россия имеет перед собою несказанное будущее; если она пойдет, без спеха и без скачков, путем, указанным ей ее историей, она дойдет к благоденствию самобытному незави-

симо от Европы, которая хочет ее оттолкнуть в Азию; она не будет ни Европа, ни Азия, она будет Россия, особенный мир, от всех отдельный, внутренне стройный, извне недоступный» [Русская и английская политика (1850)]. Не менее торжественно рассуждал об истории русского народа и русского языка и И. И. Срезневский: «Русский народ, сколько ни испытывал волнений в быте политическом, всегда, однако, твердо удерживал свою самобытность, никогда не поддавался насильственному господству других народов, никогда не подчинялся игу других языков, никогда не был принужден признавать языка, чужого своему смыслу, орудием веры, закола и литературы» [Мысли об истории русского языка (1849)] – очевидно, что под «народом» великий филолог понимал без исключения всех, кому дорога была Россия, кто с почтением относился к её судьбе, желая ей благополучия и процветания, особо симпатизируя, впрочем, простому народу.

Приведённых примеров вполне достаточно, чтобы увидеть, что самобытность воспринималась одновременно как особое условие и как особая причина следования России её историческому пути. В 1866 г. Ф. И. Тютчев напишет классические строки про «особенную статью» России, которым будет суждено стать квинтэссенцией взглядов современников. Однако пройдёт несколько десятилетий, и в словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова слово «самобытность» будет снабжено пометой «книжное» и истолковано как идеалистическое учение. В наши дни академический словарь русского языка даёт уже помету «устаревшее» к значению ‘самостоятельное, независимое бытие, существование’, тогда как ‘природное своеобразие, независимость от каких-либо влияний’ такой пометы не содержит¹.

Таким образом, «народность», «национальность» и «самобытность» прошли схожий путь: появившись или активизировавшись в русском языке в начале XIX в., в 1820-е гг. они использовались для обозначения схожих черт в понимании и восприятии основы российской культуры, а с 1840-х гг. во-

¹ Большой академический словарь русского языка. СПб., 2017. Т. 24. С. 268.

шли в политический дискурс и надолго стали идеологемами¹, которые частично взаимно пересекались, в ряде случаев становясь контекстуальными синонимами, но в целом выражали разные аспекты единой точки зрения на развитие национального самосознания и необходимость сформулировать и выработать принципы для особого исторического развития России. На пересечении же семантических ореолов всех трёх понятий находилось средоточие духовных и интеллектуальных поисков ведущих мыслителей своего времени – то объединяющее начало, которое они пытались вербализовать, но интуитивность понимания которого далеко не всегда могла быть выражена словесно.

3.3.2 Славянофилы vs петровцев и Петровии в журналистике 1840-1860-х гг.

В 1862 и 1864 г. в передовых статьях газеты «День» И. С. Аксаков несколько раз пытался предаться рассуждениям о Петровии как российском воплощении «немецкого идеала отвлеченного государства» и о петровцах как ее просвещенных жителей – людях без ясного национального сознания.

Впрочем, образ петровцев как особый тип людей, появившихся и получивших распространение в России благодаря преобразованиям Петра I, впервые возник еще за полтора десятка лет до этого у К. С. Аксакова, старшего брата издателя газеты «День», который, в свою очередь, почерпнул этот образ из вышедших в 1846 г. «Воспоминаний» Ф. В. Булгарина. При этом, возможно, самих «Воспоминаний» К. С. Аксаков и не читал, но был знаком с двумя выдержками из них, напечатанными в том же году в журнале «Москвитянин»². Спустя десять лет, как мы

¹ Очень интересен пример приложения самобытности даже к течению рек (!): «Впрочем, здешние речки от беспрестанных мельниц или фабрик находятся постоянно в подпруде и характера рек, текущих самобытно, то есть массою собственной, ненакопленной воды, – не имеют» [С. Т. Аксаков. Записки об уженье рыбы (1847)].

² Воспоминания Фаддея Булгарина // Москвитянин. 1846. № 5. С. 191–193.